

Страницы прошлого

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-81-96

Алексей Викторович САРАБЬЕВИнститут востоковедения Российской академии наук
Рождественка ул., 12, Москва, 107031, Российская Федерация
alsaraby@ya.ru

Локальное отражение глобальных течений: Сирия и Ливан на идеологическом рубеже (начало 60-х гг. XX в.)

АННОТАЦИЯ. На материале архивных документов анализируются социально-политические процессы в Сирии и Ливане сквозь призму глобального и регионального идеологического противостояния. На фоне биполярной системы в первой половине 60-х годов XX в. на Ближнем Востоке наиболее рельефно проявились мощные идеологические течения, сочетавшие в себе арабский национализм и социалистические идеи. В более широком масштабе эти идеологические течения нашли свое кратковременное выражение в рамках Движения неприсоединения. И насеризм, и баасизм настолько сильно влияли на умы арабских правящих и военных кругов, да и всего населения, что западные дипломаты были склонны оценивать происходившие тогда события в социально-политической и экономической сферах сквозь призму этого идеологического противостояния (причем как своему влиянию, так и советскому). Показательно, что и выступления, изредка проходившие под религиозными лозунгами, рассматривались в приводимой корреспонденции как часть идеологической борьбы арабов – самостоятельной, не зависящей напрямую как от Запада, так и от Советов. Смещение акцентов в идеологии арабизма произошло с середины десятилетия и во многом было свя-

зано с выходом на первый план палестинской и – шире – арабо-израильской проблематики (в связи с готовившимся с 1965 г. прямым столкновением Израиля и ряда арабских стран). Уже к концу 60-х годов идеи арабского социализма перестали восприниматься в качестве конкурентноспособных в системе двухполюсного глобального противостояния. Тем не менее анализ важных исторических процессов начала 60-х годов не может обойтись без учета этого мощного фактора развития Ближнего Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сирия, Ливан, Египет, насеризм, баасизм, идеология, биполярная система

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сарабьев А.В. (2017). Локальное отражение глобальных течений: Сирия и Ливан на идеологическом рубеже (начало 60-х годов XX века). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (2). 81–96. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-81-96

The Pages of the Past

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-81-96

Aleksei V. SARABIEV

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka ul., Moscow, Russian Federation, 107031
alsaraby@ya.ru

Local Reflection of Global Streams: Syria and Lebanon on the Ideological Frontier (the Beginning of the 60th of the 20th Century)

ABSTRACT. *Social and political processes in Syria and Lebanon analyzes on the material of archival documents through the prism of global and regional ideological confrontation. On the background of the world bipolar system in the first half of the 1960s the most powerful ideological currents, combining Arab nationalism and socialist ideas, were most clearly manifested in the Middle East. On a broader scale, these ideological currents have found their short-term expression within the framework of the Non-Aligned Movement. By the end of the 1960s, the ideas of Arab socialism had ceased to be perceived as competitive in a system of bipolar global confrontation. Nevertheless, the important historical processes of the early 1960s cannot be analyzed without taking into account that powerful factor in the Middle East development.*

KEYWORDS: *Syria, Lebanon, Egypt, Nasserism, Baathism, ideology, bipolar system*

FOR CITATION: Sarabiev A.V. (2017). Local Reflection of Global Streams: Syria and Lebanon on the Ideological Frontier

(The Beginning of the 60th of the 20th century). *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (2). 81–96. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-81-96

Острые конфликты в ряде стран арабского мира в глазах многих являются закономерными процессами, вызванными ошибками прошлой политики в социальной, экономической, религиозной и прочих сферах. В глазах других они составляют цепочку навязанных извне трансформаций, которые выгодны тем, кто якобы разыгрывает текущий «ближневосточный гамбит». Обе точки зрения, однако, поразительным образом совершенно исключают элемент, который еще недавно был центральным в оценках происходивших на Ближнем Востоке событий и даже войн. Речь идет об идеологии – этом мощном стержне, определявшем во второй половине XX в. буквально все политические, дипломатические, военно-блоковые, торгово-экономические отношения¹. Марксистская, коммунистическая, капиталистические и религиозные идеологии с их

¹ Заслуживает внимания, в частности, идея Иммануила Валлерстайна, который отважно утверждал зарождение в 1917 г. «великой идеологической антиномии XX в. – вильсонизм против ленинизма», якобы прекратившей свое существование лишь в 1989 г. (Валлерстайн, 2001, с. 151).

пестрым набором оттенков еще недавно выступали в качестве основных факторов как внутренних, так и внешнеполитических отношений – от Латинской Америки до Дальнего Востока. Видимо, не следует упускать их из виду и теперь.

Актуальнейший на этапе становления независимости стран Ближневосточного региона и их государственного строительства пафос национально-освободительных движений сменился закономерным развитием их идейных оснований. В течение нескольких десятилетий идеология оставалась во многом движущей силой социально-политического и экономического развития этих стран, а на закате социалистической системы долгое время продолжала быть фактором легитимации утративших идейный импульс, но не желавших адаптироваться государственных механизмов. Судя по всему, нынешняя идеологическая выхолощенность большинства ближневосточных режимов не станет последним словом: философы и политологи подчас предсказывают если не возврат былых идеологий, то, по крайней мере, активное обращение к определенным идейным основаниям широкого спектра – от самого левого до крайне правого толков². В этом отношении историко-политический анализ острых идеологических баталий на Ближнем Востоке более полувековой давности далеко не лишен актуальности.

На важность современного анализа событий 50-х годов XX в. сквозь призму идеологической борьбы, в частности, обратил внимание академик В.В. Наумкин в своей работе «Шесть бурлящих месяцев: Ближ-

ний Восток в «холодной войне» (декабрь 1956 г. – май 1957 г.)» (Наумкин, 2013, с. 87–106)³. Выбранный им краткий период был ознаменован последствиями провала «Синайской кампании», развернутой Израилем, Великобританией и Францией, которые были недовольны действиями Египта, в июле 1956 г. национализировавшего Суэцкий канал при ведущей политико-дипломатической и даже отчасти военной поддержке Советского Союза. Развитием этих событий стало масштабное наступление на позиции «социалистического лагеря» на Ближнем Востоке. Оно включало в себя финансово-экономический, военно-политический и дипломатический компоненты, наиболее известными элементами которых стали «доктрина Эйзенхауэра – Даллеса»⁴ и активизация в продвижении «Багдадского пакта». По мнению автора, те полгода стали периодом вовлечения Ближневосточного региона в «холодную войну». Москва, сосредоточив дипломатические усилия на дискредитации «доктрины Эйзенхауэра», которая угрожала привлечь новые государства региона к враждебным ей блокам, все же «проявляла максимум осторожности, чтобы не позволить втянуть себя в конфронтацию с Западом в этом регионе, и пыталась отговорить своих арабских партнеров от ускорения действий» (Наумкин, 2013, с. 106).

Если в тот период Египет уже демонстрировал очевидное отражение глобального идеологического фронта, то Сирия только еще готовилась выйти на этот «передовой» рубеж. Во всю мощь события в Сирии, определившие ее развитие вплоть

2 На наших глазах происходит реинкарнация старых и появление новых идеологий, несмотря на декларированный в начале века идеологический кризис и безальтернативность неолиберальной идеи. Так, Ян Питерс-Недервеев писал в 2001 г. о «кризисе идеологий, который отражает более широкий парадигмальный кризис – как неомарксизма и теории зависимости, так и кейнсианства и политики процветания; озвучивалось множество критических позиций, но ни одного адекватного идеологического ответа на неолиберальный поворот» (Nederveen Pieterse, 2010, p.5).

3 В основу статьи лег текст доклада на Международной конференции по истории «холодной войны» (Кортон, Италия, 5–6 октября 2001 г.).

4 О военно-финансовой помощи и по «программе Трумена». И по этой программе И.П. Беляев и Е.М. Примаков писали в 1974 г.: «Сама экономическая помощь капиталистических стран молодым государствам появилась лишь с началом борьбы двух систем – социалистической и капиталистической. Характерно, например, что на первом этапе предоставления своей финансовой и технической помощи развивающимся странам по государственной линии правительство США, как правило, лишало их помощи в случае нежелания принимать американские условия» (Беляев, Примаков, 1981, с. 233–234).

до настоящего времени, развернулись в 60-е годы. Ливан же становился временем от времени ареной трагических столкновений сторонников в регионе как одного из доминировавших тогда глобальных лагерей, так и другого. Пример тому события 1958 г., которые в описаниях очевидцев назывались, кстати, гражданской войной. Отдельный очаг новой яркой идеологии, совмещавшей в себе черты и социализма, и национализма, представлял собой Египет Г.А. Насера. Поэтому для Ливана последующее десятилетие стало непростым временем выбора своего пути между идеологиями арабского социализма, национализма, баасизма, с одной стороны, и, говоря упрощенно, «западным путем» развития – с другой.

Широкая популярность в арабском мире марксизма, густо замешенного на национализме, или, вернее, на «национализмах» (Косач, 2007, с. 259), объяснялась во многом кумулятивным потенциалом антиколониализма, который в ряде положений марксизма обретал для себя необходимое идеологическое обоснование. Кроме того, он служил надежным средством, так сказать, демаргинализации арабов, долгое время лишенных международно-политической составляющей их идентичности. Принятие марксизма (в той или иной форме) для многих из них означало «вхождение в большой мир международной политики, в котором они стали не просто причастными к противоборству глобальных сил, а в какой-то степени даже превратились в составную часть одной из них» (Наумкин, 2017, с. 8).

Тем не менее и Сирия, и Ливан, не говоря уж о Египте, проявляли тогда весьма высокий уровень самостоятельности в

принимаемых ими политических решениях. Не исключая, конечно, сильного внешнего влияния, эти страны во многом руководствовались соображениями внутриполитической целесообразности, собственными интересами, и было бы ошибкой однозначно относить их к одному из глобальных лагерей в какой бы то ни было отрезок времени. Однако политическая прагматика отнюдь не исключала симпатии к тому или иному идеологическому полюсу международных отношений и особенно использования в своих интересах контактов как с СССР и его сателлитами, так и с «капиталистическим блоком» и его региональными протектами⁵.

Именно на рубеж 50–60-х годов приходится оформление Движения неприсоединившихся государств, инициаторами которого, по сути, стали Иосип Броз Тито, Джавахарлал Неру и Гамаль Абдель Насер. Уже в сентябре 1961 г. в Белграде прошла первая конференция, на которой были представлены 25 государств. Вторая конференция Движения неприсоединения, прошедшая в Каире в 1964 г., собрала уже 57 стран⁶. Движение стало институциональным выражением попыток развивающихся государств что-либо противопоставить сложившейся Ялтинско-Потсдамской биполярной системе. На основе общности проблем государственного строительства после сравнительно недавнего достижения независимости эти страны пытались выработать международно-правовые механизмы участия в принятии решений на глобальном уровне. И реальным путем для этого была, в сущности, серьезная корректировка или даже демонтаж биполярной мировой системы. С учетом сказанного отнесение советской методологией, в част-

5 О «западном геополитическом полюсе» Збигнев Бжезинский писал в 2012 г. следующее: «Во время последовавшей "холодной войны" между Востоком и Западом мир наблюдал появление нового, трансатлантического Запада, где Штаты играли роль кормильца, а значит и главы. Америка и независимые западные остатки Европы, связанные общей задачей сдержать натиск Советского Союза, а также общностью политического и экономического строя, а значит и идеологией, образовали геополитический костяк перекроенного заново Атлантического альянса, пытающегося устоять перед трансевразийским китайско-советским блоком» (Бжезинский, 2013, с. 20).

6 История международных отношений. В 3 томах. Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Т. III: Ялтинско-Потсдамская система. Москва: Аспект-Пресс. 2012. С. 114.

ности Сирии и Египта, к «странам социалистической ориентации» отнюдь не предполагало причисления их к социалистическому лагерю, находившемуся под патронажем Советского Союза.

Мессианизм, присутствующий в той или иной мере коммунистической идеологии (вначале предполагавшей даже помощь социалистическим революциям в целом ряде стран мира, но впоследствии перешедшей к более умеренной трактовке революционного процесса), в такой же мере – если только не большей – был свойствен и Союзным Штатам, задолго до рассматриваемого периода оказавшимся готовыми возглавить «борьбу за счастье людей» в мировом масштабе. В своей книге о постколониальном переустройстве Билл Эшкрофт приводит слова из речи Теодора Рузвельта, готовившегося в 1901 г. стать Президентом США: «Наш долг по отношению к людям, живущим в варварстве, увидеть, как они освободятся от своих цепей, <...> но мы сможем освободить их, лишь разрушив само варварство. Безусловно, долг цивилизованной державы деликатно уважать права слабых цивилизованных держав, <...> так что ее долг положить конец дикости и варварству» (Ashcroft, 2001, p. 212). Осознание ключевой миссии по отношению к остальным странам мира Эшкрофт подает как некую эстафету, которую США восприняли от Британской империи: «Существовал определенный момент, когда империализм XIX века перекочевал от одного англоговорящего имперского центра к другому – перекочевал от географически [определяемой] империи (правда, слабеющей) к глобализационному процессу без территориальных границ» (Ashcroft, 2001, p. 212).

В отношении Ближнего Востока этот переход, конечно, нельзя считать окончательным состоявшимся в первой половине XX в. Как раз к концу 50-х – началу 60-х годов, после поражения европейско-израильской коалиции в Синайской кампании, коренных изменений политики Саудовской Аравии, связанных с укреплением

ее позиций и последующим приходом к власти Фейсала бин Абдул-Азиза Аль Сауда, процессов в военно-политической элите Сирии, претерпевшей опыт слияния в единое государство с Египтом, и достижения внутривосточного консенсуса по вопросу политического баланса между прозападным и проарабским течениями в этой стране, можно, пожалуй, проследить окончательное утверждение внешнего влияния двухполюсной глобальной системы, с одной стороны, и региональных (и даже межрегиональных) амбиций новых влиятельных лидеров «социалистической ориентации» – с другой.

Регион Ближнего Востока тем самым уже не напоминал поле столкновения интересов двух глобальных блоков, но представлял собой силу (или несколько), с которой нужно было договариваться полюбовно (как предпочитал делать Советский Союз), либо пытаться подчинить методом «кнута и пряника» (как считал за лучшее делать Запад). И. Валлерстайн в довольно резких выражениях оценивал опасность со стороны указанных региональных сил для капиталистического блока в плане идеологии: «Какими же в таком случае были последствия для миросистемы от появления большого количества государств, где нет частной собственности на основные средства производства? <...> Это совершенно точно подрывало идеологическое оправдание мирового капитализма, как показывая политическую уязвимость капиталистических предпринимателей, так и демонстрируя, что частная собственность не является обязательным условием для быстрого роста промышленного производства» (Валлерстайн, 2001, с. 55).

Так что основной осью глобального противостояния в 60-е годы XX в. оставалась, бесспорно, «холодная война» (и одной из ее составляющих выступал идеологический конфликт) между социалистическим лагерем и так называемыми капиталистическими странами, более или менее едиными в убеждении во вредоносности социализма и коммунистической

идеи. Но явной недооценкой положения дел было бы упускать из виду доминировавшие в те годы (не только в ряде арабских стран) основанные на марксизме идеологии с причудливым наслоением национализма. Арабский социализм, а также баасизм представляют в этом отношении очень важные примеры. Насеризм, по сути, заслони собой для западных дипломатов проблематику распространения в регионе коммунистических идей. Баасизм с его ведущей общеарабской национальной составляющей как раз в 60-е годы стал в авангарде этого уникального идеологического русла. «Националистические идеи, – пишет главный идеолог ПАСВ Абдалла аль-Ахмар, – подвергались критике и до коммунистов арабский национализм сталкивался с критикой со стороны, например, сирийских националистов. <...> Именно из партии «Баас» вышли большинство тех, кто продвигал национальную идею, и баасисты трудились над разработкой этой идеи сквозь призму жизненных вопросов развития арабского мира» (аль-Ахмар, 2017, с. 241–242).

Антиимпериализм сирийской партии «Баас» был абсолютным: воспитанный на антиколониализме и сопротивлении неоколониализму, он определял недоверие и к социалистическому, или «восточному лагерю». Интересно и поучительно высказывание о прагматической необходимости контактов с этим глобальным полюсом в документах общеарабского руководства партии еще 1956 г.: «“Баас” считает появление “восточного лагеря” и участие его в делах арабского Востока хорошим признаком. Не потому, что “Баас” не считает его агрессивным и не стремящимся к эксплуатации арабов, и не потому, что “Баас” недооценивает коммунистическую угрозу. <...> Нет. Потому что мы видим в нем сильного конкурента “западного блока”, эксплуатирующего нас и наши богатства. Мы используем лишь эту сторону и извлекаем из этой конкуренции пользу. Мы устанавливаем с “восточным блоком” политические и торговые отношения, остерегаясь в то

же время распространения коммунизма» (Судьбы..., 1983, с. 354–355).

В шестидесятые годы Сирия вошла, как известно, в состав Объединенной Арабской Республики (1958–1961 гг.) во главе с президентом Г.А. Насером (сирийская «Баас» в момент объединения объявила о самороспуске). Ливану же досталось наследство победы над режимом «прозападного» президента Камиля Шамуна и прихода к власти сторонника политического нейтралитета и «особого пути» для Ливана генерала Фуада Шихаба (президент в 1958–1964 гг.).

Арабский социализм Насера мало коррелировал с советской коммунистической линией, и идеологического сближения в тот период не отмечалось. Е.М. Примаков так характеризовал особенность насеризма как идеологии: «Пожалуй, в Египте четче, чем в других постколониальных арабских странах, проявились черты арабского революционного национализма со всеми его характерными особенностями: безудержным стремлением к ликвидации остаточных военных и экономических позиций колониальных держав, отсутствием генетических привязанностей к исламу и терроризму, приверженностью идеям социального прогресса мелкобуржуазно-социалистического характера, антикоммунистическим настроением во внутренней политике, прагматизмом во внешней политике, проявившимся в зигзагообразном развитии отношений с США и неоднозначном сотрудничестве с СССР, эмоционально негативным подходом к Израилю, с постоянным ощущением занесенного над головой израильского дамоклова меча. Мировоззренческий феномен арабского революционного национализма создал целый этап арабской истории» (Примаков, 2006, с. 7).

Национализация и рост госсектора в экономике ОАР (особенно в египетской ее части) не могли не привлекать внимания советского руководства. Насер провел полную национализацию банков, к середине 60-х годов в руках государства

оказалось 75% промышленных предприятий, вся энергетика, коммунальное хозяйство, весь импорт и более 3/4 экспорта, 15% оптовой и 2,5% розничной торговли (Судьбы..., 1983, с. 693).

В августе 1960 г. в Москву прибыла делегация ОАР во главе с вице-президентом Нураддином Кахали. В итоге 7 сентября был подписан Протокол о техническом содействии Советского Союза Сирийскому району ОАР в строительстве железной дороги Камышли – Алеппо – Латакия, создании заводов азотных удобрений и смазочных масел, а также в геологоразведочных работах⁷. В ноябре-декабре в СССР приезжала еще одна делегация из ОАР – с другим вице-президентом, Абдулхакимом Амером⁸. В официальных речах как с советской, так и арабской стороны в основном касались таких прорывных для своего времени достижений, как природопользование, строительство (соглашение по финальному этапу возведения Асуанской плотины было ратифицировано в ноябре), первый запуск в космос живых существ и т. п., а также проблемы разоружения и противостояния империализму. Совершенно ясно при этом, что проблематика, связанная с интеграцией в единый политический и экономический организм Северной (то есть сирийской) части ОАР не подлежала обсуждению на официальном уровне даже с руководством СССР.

В приветственной речи Л.И. Брежнева от 22 августа 1960 г., в частности, весьма скромно оценивалось двустороннее сотрудничество, зато недвусмысленно подчеркивались различия в политическом строе. «Нас радует, – говорил Брежнев, – что в осуществлении планов экономического развития вашей страны известную роль играет все развивающееся сотрудничество в экономической области между на-

шими странами. Это свидетельствует, что государства с различными социально-политическими системами (курсив мой. – А. С.) могут сотрудничать и жить в дружбе»⁹. Показательно, что в качестве примера областей, где бы совпадали точки зрения обеих сторон, Брежнев смог привести лишь проблему разоружения...

Можно заметить, что делегации «египетско-сирийской» республики не обнаружили и тени заискивания перед мощным советским государством – одним из двух мировых «полюсов». И это притом, что ОАР продолжала остро нуждаться в помощи разного рода: инженерами, техническими специалистами, станками, вооружением и т. п.

Несмотря на постепенное улучшение отношений правительства СССР и Насера, безусловно, насеризм никак не мог считаться неким *enfant terrible* советской идеологии, это была совершенно самостоятельная система, развившаяся по своим внутренним законам в большой степени из идей национального освобождения в условиях «холодной войны». На региональном уровне идеологическая составляющая политики Насера была столь существенной, что буквально разделила политический бомонд, да и само общество как Сирии, так отчасти и Ливана.

Интереснейший материал для анализа того ключевого периода в истории Сирии и Ливана дают не исследованные до сих пор донесения швейцарского дипломата Гвидо Килья, который был назначен послом в Бейрут в 1960 г. Осенью он так писал о положении Сирии в составе ОАР: «Политика Насера в Северной провинции (т. е. Сирии. – А. С.) до сих пор демонстрирует политический и экономический просчет. Недовольство притесняющими действиями египтян раздается по всей стране. По-

7 СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. Москва: Гос. изд. политической литературы. 1961. С. 831.

8 Там же. С. 773.

9 Речь Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева на завтраке в Кремле в честь главы правительственной делегации Объединенной Арабской Республики вице-президента ОАР Нур эд-Дина Кахали. СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. Москва: Гос. изд. политической литературы. 1961. С. 729.

рядок поддерживается отчасти жестким полицейским режимом сирийского деспота Сарраджа¹⁰, а отчасти присутствием там египетских офицеров, младших офицеров и солдат. <...> Эти и подобные им, по сути, колониальные методы усиливают антиегипетские настроения среди сирийского населения. Они также являются серьезным бременем для правительства ОАР»¹¹.

Безусловно, нужно учитывать, что это было мнением западного дипломата, видевшего, как и многие тогда, в лице Насера угрозу для западных экономических интересов, политического и идеологического влияния. Тем не менее автор донесений – уже тогда опытный дипломат – был лишен, как кажется, многих распространенных в то время идеологических штампов, хорошо зная как недостатки, так и успехи социалистических стран. Так, описывая в одном из донесений встречу с маронитским патриархом, он довольно отстраненно замечал: «Патриарх¹² <...> расспрашивал меня вначале о впечатлениях и том опыте, что я почерпнул за время моего пребывания за “железным занавесом”. О проблеме и методах коммунизма он информирован превосходно»¹³.

Из приводимых ниже донесений можно вынести интересное наблюдение: в глазах Запада Насер представлял, несомненно, гораздо большую угрозу в регионе, нежели пресловутое влияние Советов. Вот в каком ключе, к примеру, описывались события в Сирии, предшествовавшие баасистскому перевороту 1963 г.: «Столкновения в Дераа и Хауране. В расположенном у иорданской границы городе Дераа группе пронасеровски настроенных лиц из преподавательского состава удалось со-

брать на манифестацию за дружбу с Египтом часть учащихся гимназий. Якобы посредством школьной забастовки должны были протестовать против возвращения из Праги коммунистического лидера Халеда Багдаша. Благодаря вспыльчивому характеру местного населения агитация имела успех и привела к насильственным действиям, направленным на правительственные здания и полицейские участки. Беспорядки распространились также на располагающийся в 50 км к югу от Дамаска район Хаурана. Правительство направило усиленные подразделения правоохранительных органов, которые арестовали главарей и быстро добились установления спокойствия. После этих столкновений гимназии в Дераа были закрыты на неопределенный срок»¹⁴. И далее автор донесения делает следующий характерный вывод: «В ходе беспорядков в Дераа и Хауране ясно проявился комплексный характер насеровской подрывной деятельности»¹⁵. И далее: «К событиям в Дераа и Хауране не присоединились тогда ни Алеппо, ни Дамаск. <...> Для подавления явных насеровских происков на юге оказалось достаточным решительного вмешательства частей сил безопасности, чтобы сковать смуту. <...> Учитывая такой исход, сирийский министр иностранных дел Асаад Мухассен мог по праву заявить: “События последних дней привели к плачевному поражению Насера в Сирии. Этот провал повлияет не только на Сирию, но и на остальные страны арабского Ближнего Востока”»¹⁶.

Заметим, что для внимательного наблюдателя, каким, без сомнения, являлся посол Гвидо Киль, первейшей задачей было отражать степень продвижения в

10 Абдулхамид Саррадж – бывший директор Второго бюро (военной разведки) Сирии, председатель Исполнительного Совета Северной территории ОАР с сентября 1960 по август 1961 г. и вице-президент (август-сентябрь 1961 г.).

11 Archiv für Zeitgeschichte der ETH Zürich (AZGZ). NL Guido Keel 6.2 Politische Berichtes, 1960. Ambassade de Suisse au Liban. Beyrouth. Herr Bundespräsident Max Petitpierre Vorsteher des Eidgenössischen Politischen Departamentes, Bern. 16.11.1960. F. 2.

12 Булос II Меуши, патриарх Маронитской церкви с 1955 по 1975 г.

13 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 7.12.1960. F. 7.

14 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 16.01.1963. F. 2–3.

15 Ibid. F. 3.

16 Ibid. F. 4.

Сирии и Ливане пропаганды насеризма, притом что ожидать можно было бы повышенного внимания к действиям Советского Союза в свою пользу в этих странах или же к подъему такой пассионарной силы, как баасизм. Не может ли это свидетельствовать о неверной тогдашней установке западных дипломатов, «проглядевших» баасистский извод национализма как раз накануне его триумфа? Или Насер все же рассматривался Западом исключительно в качестве агента влияния Советов, а не самостоятельной региональной силы? В таком случае, почему в документах не обнаруживаются никаких характеристик Насера как марионетки или протеже Кремля, а заодно и никаких отрицательных коннотаций, связанных с советской коммунистической идеологией?

Обратимся к документам. Гвидо Киль далее пишет: «Как министр иностранных дел, так и министр внутренних дел в этом отношении указывают, что правительство располагает убедительными доказательствами того, что насеровские нарушители спокойствия способствуют иностранной шпионской деятельности. Взятками и с помощью провокаций некогда имела место переброска агентов из Ливана в Сирию. Исходя из этого следует предпринять закрытие сирийско-ливанской границы, чтобы прекратить дальнейшее проникновение и затруднить выезд беглых зачинщиков. Министр иностранных дел Асаад Мухассен выступил с острой критикой по поводу пронасеровского кризиса в Ливане, а также ливанского правительства, которое не принимает никаких эффективных мер для прекращения антисирийских действий. Мере терпимости следует превзойти: не только премьер-министр Халед аль-Азм, но и он сам должен решиться на радикальные встречные шаги. Министр иностранных дел намекнул также, что цель недавних организованных беспорядков состояла в том, чтобы сорвать

проходившие в Дамаске переговоры с ФРГ по предоставлению кредита для Евфратской плотины. После всех стараний ОАР воспрепятствовать этому масштабному германо-сирийскому проекту развития по политической и дипломатической линиям, которые остались безуспешными, там попытались перейти к плану по компромитированию сирийцев в глазах немецких партнеров по переговорам. О просчете этого предприятия свидетельствует только что достигнутый результат совещания с западногерманской делегацией, а именно: со стороны немецкого правительства поступило обещание от министра Вальтера Шееля, что на проведение первого строительного этапа Евфратской плотины САР будет выдана ссуда в 350 млн немецких марок. Из-за прошлогоднего офицерского путча и сложившейся в результате этого тяжелой кризисной ситуации доверие к САР было подорвано. Как признался мне немецкий посол в Дамаске, он был вынужден неоднократно объяснять сирийским властям в ответ на их пожелания: «Мартовские события могли стоить вам немецкого участия в Евфратской плотине!»¹⁷

Как можно видеть, насеризм был главным раздражителем для европейских политиков и бизнесменов, и демонстрация противодействия ему со стороны туземных элит была даже условием предоставления необходимых Сирии кредитов. Якобы осознавая это, официальный Каир пытался препятствовать сепаратным контактам сирийцев с европейским капиталом, демонстрируя успехи своей пропаганды среди сирийского населения.

Неприязнь к насеризму неожиданным образом переродилась в просирийские симпатии. Гвидо Киль не называет прямо баасизм, но подчеркивает далее сильную националистическую и патриотическую составляющую в действиях сирийцев спустя менее полутора лет после выхода Сирии из состава ОАР. Поражает, как

17 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 16.01.1963. F. 5.

он – даже в какой-то степени восторженно и при этом опираясь на мнение своих западноевропейских коллег-дипломатов – характеризует самостоятельность Сирии, сумевшей противодействовать насеризму (при этом ни коммунистическая пропаганда, ни амбиции Советов совершенно не упоминаются). «Мне стало известно это, – писал тогда же Г. Киль, – из бесед с большинством коллег-дипломатов, аккредитованных в Дамаске, среди которых помимо западногерманских можно назвать британского, американского и иракского послов. Повсеместно превалирует мнение, что в Сирии смогла взять верх воля к национальному строительству и демократической организации государственного устройства. Ведущие политические силы страны работают и стремятся идти в этом направлении, хотя и могут иметь различные мнения по частным вопросам. Сирия – это особенная арабская страна, которой в течение нескольких месяцев удалось развернуться от преобладающей военной диктатуры к демократическому правлению»¹⁸.

Откуда же исходил этот возвышенный тон? Не из того ли, за что небезызвестный Акрам Хаурани яростно критиковал сирийское правительство президента Хафеза, – из-за излишнего поворота в сторону Запада? Примечательно, правда, что и Хафез, и новый генсек Баас Муниф Раззаз стояли за сближение с Насером и ОАР (особенно после III Всеарабской конференции в Касабланке в сентябре 1964 г.), и даже при этом А. Хаурани, как говорилось в секретном Меморандуме Объединенного исследовательского департамента британского Форин Офис, «последовательно критиковал правительство за его перего-

воры с британским консорциумом по вопросу строительства нефтепровода, заявляя, что Советский Союз предлагал лучшие условия»¹⁹.

После переворота 23 февраля 1966 г. президента Хафеза сменил Нураддин аль-Атаси, сменился и Кабинет (из 20 министров 13 были суннитами и только трое алавитами). В том же документе политика новой администрации характеризовалась следующим образом: «Новый режим установился ради определенно радикальной политики, и в апреле с Советским Союзом было заключено соглашение по сооружению плотины на Евфрате. Несмотря на прежнюю “младотурецкую” политику, нынешние направления тянутся скорее к России, чем к Китаю, а также по пути к реальному альянсу с ОАР – пути, подсказанному СССР»²⁰.

Что касается Ливана, то швейцарский дипломат Г. Киль якобы располагал тогда сведениями, что «в большинстве бейрутских редакций имеются вернейшие свидетельства деятельности местных насеристов по подкупу, подстрекательству и попыткам проникновения в соседние страны»²¹. Ему самому якобы удалось получить «достоверные сведения из доверенного ливанского источника» следующего характера: «Непосредственному пронасеровскому перевороту в Сирии должна была предшествовать тайная подготовка. Главным агентом этих закулисных маневров стал, как обычно, посол ОАР в Бейруте г-н Абдель Хамид Галеб – завзятый опаснейший насеристский подстрекатель на всем Ближнем Востоке. Стало известно, что при помощи громадных сумм на взятки – поговаривают о многих миллионах ливанских фунтов – он вместе с дове-

18 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 16.01.1963. F. 6.

19 Foreign Office, Commonwealth Office, SW1. LR 6/32, 7 September 1966. The political activity of the Alawites and Druzes in Syria (in context of Ba'ath), 1966 (Secret. Draft). Minorities in the Middle East. Muslim minorities in Arab countries, 1843–1973. Vol. 4. P. 566. URL: <http://www.cambridge.org/tj/academic/archive-editions/history/middle-east-history/minorities-middle-east-muslim-minorities-arab-countries-18431973?format=W&isbn=9781840971804#CKVYuYQzFWMwOE2e.97> (Accessed: 18.04.2017)

20 Ibid. P. 569.

21 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 24.01.1963. F. 4

ренными лицами из числа сирийцев мобилизовал также большое число ливанских пособников. Ходят упорные разговоры о высадке на южноливанском побережье (у Сайды) откомандированных из Египта диверсантов для внедрения в Сирию»²².

Заключая это свое донесение, Г. Киль писал о ливанских властях: «Все-таки не следует ожидать, что на правительственном уровне смогут отказаться от мягкого и приспособленческого лавирования между пронасеровской и антинасеровской тенденциями, чтобы занять решительную и однозначную национальную политическую позицию»²³.

Знаменитый ливанский нейтрализм (видимо, как традиционная охранительная мера этого небольшого государства), верно подмеченный швейцарским дипломатом, проявлялся в большинстве встававших тогда вопросов – не только на внутривосточном, но и на общевосточном уровне.

В 1965 г. на Каирской конференции глав МИД обсуждался острый вопрос – введения дипломатических санкций со стороны арабских стран на ФРГ, поставившей Израилю вооружение по тайному соглашению Конрада Аденауэра и Давида Бен-Гуриона от 1960 г., а в 1965 г. вплотную подошедшей к заключению двусторонних дипотношений. Ливан собирался тогда присоединиться к решению о разрыве дипломатических отношений с Германией, несмотря на первоначальное обещание воздержаться от этого, если так поступит еще какая-либо из арабских стран. Но двигала ли ливанцами приверженность к арабскому единству? Насколько сильна была в этом идеологическая составля-

ющая? Наконец, рассматривался ли этот демарш западными дипломатами сквозь призму идеологии?

Указанный исторический эпизод описан в телеграмме Гвидо Килья в Берн от 17 марта 1965 г., где он передает конфиденциальный разговор с германским послом в Бейруте. «Х²⁴ очень разочарован позицией ливанского министра иностранных дел Таклы на Конференции глав МИД в Каире. Еще несколькими днями ранее Х имел аудиенцию у Таклы, в ходе которой тот пояснял: если хотя бы одна арабская страна выступила против разрыва дипломатических отношений с Бонном, Ливан присоединился бы к этому мнению. Теперь Такла «пал», сам ходатайствуя о разрыве по случаю того, что Германская Республика установила дипломатические отношения с Израилем. Поскольку в решительности федерального канцлера Эрхарда, совершившего этот шаг, сомневаться не приходится, Х считает, что ему после этого – в марте или начале апреля – ливанскими властями будет предложено уехать»²⁵.

Прагматика ливанского правительства была несомненна для автора донесения. Он особо подчеркивал эту черту тогдашней политики Ливана: «На Каирской конференции глав МИД Такла обозначил различие между разрывом дипломатических и политических отношений. Последние должны сохраняться как можно более устойчивыми. Значение и следствие этого различия в настоящее время обсуждаются здесь дипломатами. Для деловитых и любящих деньги ливанцев сохранение политических отношений приравнивается в практическом плане к экономическим

22 IAZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 24.01.1963. F. 1–2.

23 Ibid. F. 4.

24 Это мог быть один из бывших послов в Египте: Günther Pawelke 10.1952–1954, Walther Becker 1955–1959, Walter Weber 1959–1964. URL: http://www.wikiwand.com/de/Liste_der_deutschen_Botschafter_in_%C3%84gypten (Accessed: 19.04.2017). Наиболее вероятно, что это был Вальтер Мария Вебер (1899–1979), служивший посланником в Дамаске с 1956 по 1958 г. (до объединения в ОАР), а с мая 1959 г. до выхода на пенсию в 1964 г. – послом в Египте.

25 Курт Мунцель (Kurt Munzel, 1905–1982) был послом в Бейруте с 1964 по 1965 г., когда отношения были разорваны вплоть до 1973 г. См.: Die Kabinettsprotokolle der Bundesregierung: 1964. Boldt. 1982. 739 s.

(торговля, финансовые операции, техническая помощь, интуризм, сохранение в силе только что замороженных подрядов с ЕЭС). Все хотели бы по возможности избежать экономических контрмер. Это желание понятно уже из того, что в летний сезон здесь регистрируется 16 тыс. западногерманских туристов. Все же по поводу спровоцированного Ливаном разрыва дипломатических отношений Бонн должен сказать свое слово»²⁶.

Политическое лавирование Ливана относилось, как видим, к общеарабской проблематике и экономическим соображениям, и в оценках непосредственного участника тех событий не сквозит глобального измерения. Более того, самой германской политике ставились в упрек узость и излишняя приверженность прагматике в ущерб имиджу собственных дипломатов и в пользу перспективы ослабить напряженность в регионе. Киль телеграфировал: «Из непосредственных наблюдений у Х сложилось горькое убеждение в неуклюжести ближневосточной политики Бонна. И тайная конвенция Аденауэра – Бен-Гуриона²⁷ от 1960 г. о поставках вооружений, и обкатка выступления Насера против Германской Республики остаются как загадочными, так и безответными. Х узнал об этом соглашении только из сообщений прес-

сы, хотя он арабист и раньше был послом в Каире. В подобном положении, должно быть, находится глава Бундестага Герштенмайер²⁸, когда во время его миссии в Каире (в конце ноября 1964 г.) до него также впервые дошли конкретные сведения от Насера в отношении сохранявшихся в тайне поставках немецкого вооружения в Израиль²⁹. По мнению Х, в то время для Федеративной Республики возник еще один шанс уладить дело с Насером. Вместо этого целых два месяца протекли в бездельствии. О бесцельности немецкой [политики] на Ближнем Востоке свидетельствует также то, что Х должен был разъяснять в ливанском МИДе в начале этого месяца полную невозможность установления дипломатических отношений между Федеративной Республикой и Израилем. Теперь он, [будучи вынужден свое заявление] дезавуировать, чувствует себя скомпрометированным»³⁰.

В этой связи уместно привести слова зам. главы МИДа ОАР Ахмада Фекки, сказанные в мае 1965 г. «Фекки рассказал, что в наличии у западногерманских руководителей глубокого стремления установить дипломатические отношения с Израилем он убедился очень давно – осенью 1953 г., когда он в компании с представителями Ливана, Сирии и Ирака посетил ФРГ

26 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 17.03.65, Telegramme No. 23. F. 2.

27 Предметом договоренностей были германские подводные лодки и ракеты. Кроме того, Бен-Гурион согласился принять от Германии «компенсации» (Wiedergutmachungsabkommen). Общая помощь, которую получил Израиль от Германии с 1952 до конца 1965 г., составила 630 млн марок. Помимо «доктрины Хальштейна», запрещавшей всякие контакты с государствами, признающими ГДР (Израиль был одним из таких государств), США не советовали ФРГ устанавливать дипломатические отношения с Израилем, чтобы не провоцировать арабские государства к признанию ГДР и не подталкивать их к социалистическому лагерю. См: Калихман Г. Ради будущего своих народов. URL: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2010/6/234/4305/radi-budushhego-svoih-narodov> (Дата обращения: 21.04.2017)

28 Ойген Карл Альбрехт Герштенмайер (1906–1986), председатель Бундестага в 1954–1969 гг.

29 «По имеющимся в Москве данным, в сентябре прошлого года правительство ФРГ приняло решение продать Израилю 300 американских танков типа М-48 из наличного танкового парка бундесвера (1150 машин). На начало января текущего года имелись сведения о поставке 40 таких танков. Имеется соглашение о западногерманских поставках Израилю военной радио- и шифровальной аппаратуры, а также электронной аппаратуры для артиллерии и некоторых средств связи. Западногерманские специалисты оказывают далее помощь Израилю в строительстве стартовых ракетных площадок. Кроме того, израильские военные специалисты проходят обучение в частях и на военных объектах ФРГ. <...> Всего Западная Германия уже оказала Израилю прямую военную помощь на сумму 300 млн марок. По последнему соглашению, заключенному между ФРГ и Израилем, должна быть оказана дополнительная военная помощь на сумму в 320 млн марок». Запись беседы посла СССР в ОАР В.Я. Ерофеева с вице-президентом ОАР маршалом А. Амером. 23 февраля 1965 г. Сов. секретно. №205. Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики РФ. Том 2: 1957–1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. Москва: МФД. 2003. С. 458.

30 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 17.03.65, Telegramme No. 23. F. 1–2.

и встречался с Аденауэром, Хальштейном и Эрхардом...»³¹.

Чтобы подчеркнуть опасность для страны общественной поддержки общерабского возмущения германской политикой, приводился эпизод с нападением «мусульманской черни» в Триполи на две христианские школы, которые не присоединились к антигерманским студенческим выступлениям – «угрожающий признак для внутриливанской ситуации»³². Эта попытка показать опасность разогрева межрелигиозной ситуации для Ливана, который вырастает якобы из распространения идей арабского социализма насеровского извода, походила на запрещенный прием. Она демонстрировала столь сильное давление на мнение талантливого дипломата антинасеровской повестки в отношении ливанских реалий, что заставила его прибегнуть к распространенному клише – пресловутой проблеме межрелигиозных отношений в Ливане, болезненно откликавшихся будто бы на внешние (регионального уровня) воздействия.

Середина 60-х годов ознаменовалась, помимо важных социально-политических процессов в Сирии и Ливане, очередным выходом на передний край региональной политики палестинской проблемы. Имеется в виду создание в 1964 г. Организации освобождения Палестины с одобрения Лиги арабских государств, где ООП сразу получила статус наблюдателя. Последующие фазы (в том числе и острые) араб-израильского конфликта будут определять региональную повестку уже в гораздо большей степени, чем раньше. Пале-

стинский фактор будет напрямую касаться в том числе внутренней политики таких стран, как Сирия, Иордания, Египет, Ливан³³. Обусловленные этим фактором конфликты с Израилем, его вторжение на арабские территории в 1967 г. и попытки коренной делимитации границ, осужденные даже на уровне СБ ООН, в сочетании с обострением внутривосточной обстановки в этих странах во многом отодвинули на второй план прежние идеологические парадигмы.

Резкие смены политических курсов в Сирии и Египте в начале следующего десятилетия, события «черного сентября» в Иордании и приток большого числа палестинских беженцев в Ливан – все это усилило отход от прежней расстановки позиций на ближневосточном идеологическом фронте. В глобальном измерении на фоне продолжавшейся «холодной войны» и развернувшейся гонки вооружений значимыми факторами теперь были баасизм (как считается, по-разному трактуемый в Сирии и Ираке) и палестинское сопротивление. Оба они имели в своей основе ведущую антиизраильскую составляющую, и уже этот рубеж на долгие годы продолжал оставаться наиболее отчетливым в ближневосточной политике тогдашних мировых центров силы.

Нет сомнений, что приведенных документов недостаточно, чтобы на основании изложенных в них данных делать какие-либо заключения или выявлять исторические закономерности. Но иллюстрацией общих тенденций тех лет они вполне могут выступать.

31 Запись беседы Посла СССР в ОАР В.Я. Ерофеева с зам. главы МИДа ОАР Ахмада Феки. 23 февраля 1965 г. Сов. секретно. №205. Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики РФ. Том 2: 1957–1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. Москва: МФД. 2003. С. 468.

32 AZGZ. NL Guido Keel 6.2. Politisch Bericht, 17.03.65, Telegramme No. 23. F. 2.

33 В секретной записи беседы с послом СССР в Ливане Д.С. Никифоровым председатель ООП Ахмад Шукейри говорил следующее: «После создания ООП палестинская проблема получила новый аспект. Эта организация официально признана всеми арабскими странами. Решено также создать палестинскую армию, которая первоначально будет организована в Газе. Во всех арабских странах, за исключением Ливана, решено создать военные лагеря для прохождения палестинцами военной подготовки. Ливан против создания на его территории палестинской армии и военных лагерей в силу особых конфессиональных условий в стране». Запись беседы Посла СССР в Ливане Д.С. Никифорова с Председателем Организации Освобождения Палестины Ахмедом Шукейри. 24 октября 1964 г. Секретно. №199. Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики РФ. Том 2: 1957–1967. Отв. ред. В.В. Наумкин. Москва: МФД. 2003. С. 445.

Заключение

Временем попыток непосредственного воздействия на арабские страны Ближнего Востока (в том числе – неоднократно – военного) со стороны западных держав можно считать 50-е годы. Советский Союз в этот период проявлял высокую активность по вовлечению «прогрессивных сил» в этих странах в свою орбиту. Так, велика была роль нашей страны в остановке «тройственной агрессии» 1956 г. против Египта. Интереснейшие процессы шли в Ираке, где советское влияние было совершенно явным³⁴. СССР пытался препятствовать действиям высадившихся в Иордании британских десантников для поддержки иракской контрреволюции³⁵ и попытке интервенции американских морпехов в Ливан в июне-июле 1958 г.

Совсем другая парадигма в отношении Ближнего Востока выстроилась в первой половине 60-х годов – возможно, не менее эффективная, но иная по методам и международному резонансу. Этот интереснейший период в истории региона заслуживает пристального внимания исследователей уже потому, что более или менее стабилизировавшиеся ближневосточные режимы пытались проводить самостоятельную политику, отстаивая свои интересы (и более широко – общеарабские). Они тем самым бросали вызов сложившемуся глобальному противостоянию, открыто заявляя о собственном видении путей развития своего региона. Возможно, тогда оказались видны зачатки многополюсной системы мироустройства, о которой все чаще гово-

рят теперь. Вспыхнув яркой чертой в рамках Движения неприсоединения, эти идеологические построения вскоре, правда, оказались погребены под валом ставших первоочередными вопросов повестки дня Ближневосточного региона в целом и этих стран в частности.

Сирия и Ливан, как представляется, именно в 60-е годы окончательно продемонстрировали друг другу непохожесть своих судеб. Баасизм прочно укрепился в Сирии, провозгласив в следующем десятилетии «исправительное движение», поскольку, как говорилось в программном заявлении от 16 ноября 1970 г., требовалось искоренить «использование власти для унижения достоинства граждан, бюрократизм в аппарате власти и партии, игнорирование законов и роли народных организаций» (Пир-Будагова, 2015, с. 201). Предусматривалось расширение сотрудничества с «прогрессивными арабскими государствами», социалистическими странами, «особенно с дружественным Советским Союзом» (Пир-Будагова, 2015, с. 201).

Провал египетско-сирийской попытки реванша в Октябрьской войне 1973 г. против Израиля, в которой активную роль играли советские военные советники и специалисты, стал серьезным испытанием для арабской идеи в целом.

Ливанские власти, внешне оставаясь на позициях нейтралитета, а на деле проявляя пассивную позицию, неизбежно оказались вовлеченными в общерегиональную повестку, связанную не только с палестинским вопросом, но и соперничеством

34 Об этом говорит уже тот факт, что спустя всего сутки после свержения монархии, уже 16 июля 1958 г., советское руководство официально признало правительство Иракской Республики, а 19 июля провозглашались полные дипломатические отношения (на уровне посольств). См.: Телеграмма Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева Премьер-Министру Ирака Абдель Керим Касему. СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. Москва: Гос. изд. политической литературы. 1961. С. 516; Сообщение об обмене дипломатическими представительствами между СССР и Ираком. СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. Москва: Гос. изд. политической литературы. 1961. С. 527.

35 Представитель СССР при ООН приводил на заседании СБ сообщение американской прессы о цели этого десанта: «сокрушить иракских повстанцев и отвоевать обратно эту ключевую для Запада ближневосточную страну». См.: Выступление представителя СССР А.А. Соболева в Совете Безопасности ООН по вопросу о вооруженном вмешательстве США и Англии во внутренние дела Ливана и Иордании. СССР и арабские страны, 1917–1960: документы и материалы. Москва: Гос. изд. политической литературы. 1961. С. 520.

ведущих региональных игроков. Нечеткость и пестрота идейных оснований политического действия в разных группах ливанского социума подтолкнули страну к разразившейся вскоре гражданской войне.

Пассионарный всплеск идеологий арабского социализма, националистических по своему характеру, сменился спадом. Мир тогда вернулся к глобальному противостоянию двух суперсистем.

Список литературы

Аль-Ахмар Аб. (2017). Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения. Сарабьев А.В. (ред.). *Религия и общество на Востоке*. Вып. 1. Москва: ИВИ РАН. 221–256.

Беляев И.П., Примаков Е.М. (1981). *Египет: время президента Насера*. 2-е изд. Москва: Мысль, 368.

Бжезинский Зб. (2013). *Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис*. Москва: АСТ. 288.

Валлерстайн И. (2001) *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. Санкт-Петербург: Университетская книга. 416.

Косач Г.Г. (2007). Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса. Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.). *Национализм в мировой истории*. Москва: Наука. 259–331.

Наумкин В.В. (2013). Six Turbulent Months: Middle East in the Cold War (December 1956 – May 1957). Белокрыцкий В.Я., Звягельская И.Д. (ред.). *Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады*. Москва: ИВ РАН. 87–106.

Пир-Будагова Э.П. (2015). *История Сирии, XX век*. Москва: ИВ РАН. 392.

Примаков Е.М. (2006). *Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)*. Москва: Российская газета. 384.

Судьбы социалистической ориентации в арабском мире. (1983). Москва: Наука. 812.

Ashcroft B. (2001). *Post-Colonial Transformation*. London, New York: Routledge. 249.

Beale H. (1956). *Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press. 600.

Nederveen Pieterse J. (2010). *Development Theory: Deconstructions/Reconstructions*. 2nd ed. London: Sage Publ. 252.

References

Al'-Akhmar Ab. (2017). Religioznaya problematika skvoz' prizmu ideologii Partii arabskogo sotsialisticheskogo vozrozhdeniya Religious problematic in light of the ideology of BAATH. Sarabiev A.V. (ed.). *Religion and Society in the Middle East*. Issie. 1. Moskva: IVI RAN. 221–256.

Ashcroft B. (2001). *Post-Colonial Transformation*. London, New York: Routledge. 249.

Beale H. (1956). *Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press. 600.

Belyaev I.P., Primakov E.M. (1981). *Egypt: the tumes of President Naser*. 2nd ed. Moskva: Mysl'.368.

Brzezinski Zb. (2013). *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. Moskva: AST. 288.

Kosach G.G. (2007). Arab nationalism or arab nationalisms: doctrine, practice, dis-course options. Tishkov V.A., Shnirel'man V.A. (eds). *Nationalism in World History*. Moskva: Nauka. 259–331.

Naumkin V.V. (2013). Six Turbulent Months: Middle East in the Cold War (December 1956 – May 1957). Belokrenitskii V.Ya., Zvyagel'skaya I.D. (eds.). *Arab worlds, islam and Russia: past and present. Selected chapters, articles, reports*. Moskva: IV RAN. 87–106.

Nederveen Pieterse J. (2010). *Development Theory: Deconstructions/Reconstructions*. 2nd ed. London: Sage Publ. 252.

Pir-Budagova E.P. (2015). *History of Syria, 20th Century*. Moskva: IV RAN. 392.

Primakov E.M. (2006). *Confidentially: the Middle East on stage and behind the scenes*. Moskva: Rossiiskaya gazeta. 384.

The Future of Socialist Orientation in the Arab world. (1983). Moskva: Nauka. 812.

Wallerstein I. (2001). *World-Systems Analysis and the situation in modern world*. Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. 416.

Информация об авторе

Алексей Викторович Сарабьев, кандидат исторических наук, Институт востоковедения, Российская академия наук

107031, Российская Федерация, Москва, Рождественка ул., 12
alsaraby@ya.ru

About the Author

Alexey V. Sarabiev, Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka ul., Moscow, Russian Federation, 107031
alsaraby@ya.ru